

ТЕКСТЫ ЕГЭ

(1) Последней военной осенью я стоял на посту возле пушек в небольшом разбитом польском городе. (2) Это был первый иностранный город, который я видел в своей жизни. (3) Он ничем не отличался от разрушенных городов России. (4) И пахло в нём так же: гарью, трупами, пылью. (5) Меж изуродованных домов по улицам, заваленным ломью, кружило листву, бумагу, сажу. (6) Над городом мрачно стоял купол пожара. (7) Он слабел, опускался к домам, проваливался в улицы и переулки, дробился на усталые кострища. (8) Но раздавался долгий, глухой взрыв, купол подбрасывало в тёмное небо, и всё вокруг озарялось тяжёлым багровым светом. (9) Листья с деревьев срывало, кружило жаром вверху, и там они истлевали.

(10) На горящие развалины то и дело обрушивался артиллерийский или миномётный налёт, нудили в высоте самолёты, неровно вычерчивали линию фронта немецкие ракеты за городом, искрами осыпаясь из темноты в бушующий огненный котёл, где корчились в последних судорогах человеческое прибежище.

(11) Мне чудилось: я один в этом догорающем городе и ничего живого не осталось на земле. (12) Это ощущение постоянно бывает в ночи, но особенно гнетуще оно при виде разора и смерти. (13) Но я-то узнал, что совсем неподалёку — только перескочить через зелёную изгородь, обжаленную огнём, — в пустой избе спят наши расчёты, и это немного меня успокаивало.

(14) Днём мы заняли город, а к вечеру откуда-то, словно из-под земли, начали появляться люди с узлами, с чемоданами, с тележками, чаще с ребятишками на руках. (15) Они плакали у развалин, вытаскивали что-то из пожарищ. (16) Ночь укрыла бездомных людей с их горем и страданиями. (17) И только пожары укрыть не смогла.

(18) (Неожиданно в доме, стоявшем через улицу от меня, разлились звуки органа. (19) От дома этого при бомбёжке отвалился угол, обнажив стены с нарисованными на них сухощёкими святыми и мадоннами, глядящими сквозь копоть голубыми скорбными глазами. (20) Неловко мне было за себя, за людей, под укоряющими взглядами святых, и ночью нет-нет да выхватывало отблесками пожаров лики с повреждёнными головами на длинных шеях.

(21) Я сидел на лафете пушки с зажатым в коленях карабином и покачивал головой, слушая одинокий среди войны орган. (22) Когда-то, после того как я послушал скрипку, мне хотелось умереть от непонятной печали и восторга. (23) Глупый был. (24) Малый был. (25) Я так много увидел потом смертей, что не было для меня более ненавистного, проклятого слова, чем «смерть». (26) И потому, должно быть, музыка, которую я слушал в детстве, переломилась во мне, и то, что пугало в детстве, было вовсе и не страшно, жизнь припасла для нас такие ужасы, такие страхи...

(27) Да-а, музыка та же, и я вроде бы тот же, и горло моё сдавило, стиснуло, но нет слёз, нет детского восторга и жалости чистой, детской жалости. (28) Музыка разворачивала душу, как огонь войны разворачивал дома, обнажая то святых на стене, то кровать, то качалку, то рояль, то тряпки бедняка, убогое жилище нищего, скрытые от глаз людских — бедность и святость, — всё-всё обнажилось, со всего сорваны одежды, всё подвергнуто унижению, всё вывернуто грязной изнанкой, и оттого-то, видимо, старая музыка повернулась иной ко мне стороною, звучала древним боевым кличем, звала куда-то, заставляла что-то делать, чтобы потухли эти пожары, чтобы люди не жались к горящим развалинам, чтобы зашли они в свой дом, под крышу, к близким и любимым, чтобы небо, вечное наше небо, не подбрасывало взрывами и не сжигало адовым огнём.

(29) Музыка гремела над городом, глушила разрывы снарядов, гул самолётов, треск и шорох горящих деревьев. (30) Музыка властвовала над оцепенелыми развалинами, та самая музыка, какую, словно вздох родной земли, хранил в сердце человек, который никогда не видел своей родины, но всю жизнь тосковал о ней.

(По В. П. Астафьеву*)

Все мы пробыли месяц в запасном полку за Волгой. Мы, это так — остатки разбитых за Доном частей, докатившихся до Сталинграда. Кого-то вновь бросили в бой, а нас отвели в запас, казалось бы — счастливы, какой-никакой отдых от окопов. Отдых... два свинцово-тяжелых сухаря на день, мутная водица вместо похлебки. Отpravку на фронт встретили с радостью.

Очередной хутор на нашем пути. Лейтенант в сопровождении старшины отправился выяснять обстановку.

Через полчаса старшина вернулся.

— Ребята! — объявил он вдохновенно. — Удалось вышибить: на рыло по двести пятьдесят граммов хлеба и по пятнадцати граммов сахара!

Кто со мной получать хлеб?.. Давай ты! — Я лежал рядом, и старшина ткнул в меня пальцем.

Прямо на крыльце я расстелил плащ-палатку, на нее стали падать буханки — семь и еще половина.

Старшина на секунду отвернулся, и я сунул полбуханки под крыльцо, завернул хлеб в плащ-палатку, взвалил ее себе на плечо.

Только идиот может рассчитывать, что старшина не заметит исчезновения перерубленной пополам буханки. К полученному хлебу никто не прикасался, кроме него и меня. Я вор, и сейчас, вот сейчас, через несколько минут это станет известно... Да, тем, кто, как и я, пятеро суток ничего не ел. Как и я!

В жизни мне случалось делать нехорошее — врал учителям, чтоб не поставили двойку, не раз давал слово не драться и не сдерживал слова, однажды на рыбалке я наткнулся на чужой перепутанный перемет, на котором сидел голавль, и снял его с крюка... Но всякий раз я находил для себя оправдание: не выучил задание — надо было дочитать книгу, подрался снова — так тот сам полез первый, снял с чужого перемета голавля — но перемет — то снесло течением, перепутало, сам хозяин его ни за что бы не нашел...

Теперь я и не искал оправданий. Ох, если б можно вернуться, достать спрятанный хлеб, положить его обратно в плащ-палатку!

С обочины дороги навстречу нам с усилием — ноет каждая косточка — стали подыматься солдаты. Хмурые, темные лица, согнутые спины, опущенные плечи.

Старшина распахнул плащ-палатку, и куча хлеба была встречена почтительным молчанием.

В этой-то почтительной тишине и раздалось недоуменное:

- А где?.. Тут полбуханка была!

Произошло легкое движение, темные лица повернулись ко мне, со всех сторон — глаза, глаза, жуткая настороженность в них.

— Эй ты! Где?! Тебя спрашиваю!

Я молчал.

Пожилой солдат, выбеленно голубые глаза, изрытые морщинами щеки, сивый от щетины подбородок, голос без злобы:

— Лучше, парень, будет, коли признаешься.

В голосе пожилого солдата — крупица странного, почти неправдоподобного сочувствия. А оно нестерпимее, чем ругань и изумление.

— Да что с ним разговаривать! — Один из парней вскинул руку.

И я невольно дернулся. А парень просто поправил на голове пилотку.

— Не бойся! — с презрением проговорил он. — Бить тебя... Руки пачкать.

И неожиданно я увидел, что окружавшие меня люди поразительно красивы — темные, измученные походом, голодные, но лица какие-то граненые, четко лепные. Среди красивых людей — я уродлив.

Ничего не бывает страшнее, чем чувствовать невозможность оправдать себя перед самим собой.

Мне повезло, в роте связи гвардейского полка, куда я попал, не оказалось никого, кто

видел бы мой позор. Мелкими поступками раз за разом я завоевывал себе самоуважение — лез первым на обрыв линии под шквальным обстрелом, старался взвалить на себя катушку с кабелем потяжелей, если удавалось получить у повара лишний котелок супа, не считал это своей добычей, всегда с кем-то делил его. И никто не замечал моих альтруистических «подвигов», считали — нормально. А это-то мне и было нужно, я не претендовал на исключительность, не смел и мечтать стать лучше других. Больше в жизни я не воровал. Как-то не приходилось. (В. П. Тендряков)

Эта история произошла тридцать лет назад.

У меня к этому времени вышли фильм и книга. Я ходила в молодых и талантливых. Жизнь улыбалась. Но вдруг ни с того ни с сего моя дочь перестала видеть правым глазом. Ее положили в больницу с диагнозом неврит, воспаление зрительного нерва. Моей девочке было десять лет, мы никогда до этого не расставались, и эта первая разлука явилась трагедией. Она плакала в больничной палате, а я у себя дома, на улице и в гостях. Фаина увидела мой минор и вызвалась помочь.

На другой день мы вместе отправились в Морозовскую больницу. Глазное отделение находилось на пятом этаже, без лифта. Фаина шла, вздымая свои сто килограммов, и недовольно бурчала. Смысл ее бурчания был таков: зачем она пошла, зачем ей это надо, вечно она во что-то влезает себе во вред.

Я плелась следом и чувствовала себя виноватой.

Наконец мы поднялись на нужный этаж.

– Стойте и ждите, – приказала Фаина.

Она достала из объемной сумки белый халат, надела его и скрылась за дверью глазного отделения.

Я стояла и ждала. Время остановилось. Появилась Фаина. Подошла близко. Устремила на меня пронзительный взор. Буквально впилась взглядом.

– Соберитесь, – сказала она. – Выслушайте разумно. У вашей дочери опухоль мозга. Эта опухоль передавливает нерв, поэтому он не проводит зрение. Надо делать трепанацию черепа и удалять опухоль.

– И что потом? – спросила я.

– Молите бога, чтобы она умерла. Если выживет, останется идиоткой.

Фаина замолчала. Стояла и изучала мое лицо. Мое лицо ничего не выражало. Меня как будто выключили из розетки.

– Я вам что-то должна? – спросила я.

– Ничего, – великодушно ответила Фаина. – Но поскольку я потратила на вас время, сопроводите меня в ателье. На такси. Я должна забрать норковый берет и норковый шарф. Мы спустились вниз. Я остановила такси, и Фаина загрузила в него весь свой живой вес. Я сидела возле шофера и не понимала: зачем Фаина заставила меня ехать с ней в ателье? Сообщить матери о том, что ее ребенок безнадежен, – значит воткнуть нож в ее сердце. А потом потребовать, чтобы я с ножом в сердце повезла ее в ателье... Стоимость такси – рубль. Неужели у генеральши нет рубля, чтобы доехать самой?

Я осталась в машине, сказала шоферу:

– Обрато в больницу.

Я вернулась в глазное отделение, вызвала врача.

– У моей дочки опухоль мозга? – прямо спросила я.

– С чего вы взяли? – удивился врач. – У нее обычный неврит.

– А как вы отличаете неврит от опухоли?

– По цвету. Когда неврит, нерв красный, а когда опухоль, нерв синий.

– А у моей дочки какой цвет?

– Красный. Мы будем колоть ей нужный препарат, воспаление уйдет, зрение восстановится.

Я не ушла до тех пор, пока врач не вынес мне рентгеновский снимок и я не убедилась воочию, что снимок чист, прекрасен и даже красив. Я вернулась домой без ножа в груди. Я потом долго пыталась понять: что это было? Может быть, зависть? Но она живет лучше меня. У нее муж генерал с генеральской зарплатой и норковый берет с норковым шарфом. А у меня обычная вязаная шапка.

Прошло десять лет. Моя дочь выросла, набралась красоты, одинаково видела обоими глазами. Запуталась в женихах.

В один прекрасный день мы с мужем поехали на базар. В овощном ряду я углядела Фаину. С тех давних пор я с ней не общалась, хотя слышала, что недавно ее муж умер в гараже возле машины, а сын выпал из окна. Наркотики.

Фаина увидела меня и кинулась мне на грудь как близкая родственница.

Я стояла, скованная ее объятьями, и мне ничего не оставалось, как положить руки на ее спину. Спина тряслась в рыданиях. Под моими ладонями выступали ее лопатки, как крылья. Фаина не просто похудела, а высохла. Куда делись ее килограммы? Локоны превратились в старушечий пучок на затылке. Что делает с человеком горе...

Мой муж показывал мне глазами: надо идти, чего ты застряла? Но я не могла оттолкнуть Фаину вместе с ее рыданиями. Я стояла и терпела. И не просто терпела – сочувствовала. Гладила ее по спине, по плечам и крыльям.

Таких людей, как Фаина, тоже жалко. (В. С. Токарева)

(1) В Москве осень, а в Коктебеле бархатный сезон.

(2) Хотя времена иные, но и нынче хорошо в Крыму. (3) Вдоль набережной — сплошные магазины-скворечники с яркой пестрядью этикеток и оберток, кафе, шашлычные, закусочные. (4) Но остались главное — море, небо, горы, степь; их молчание, ропот волн, шелест травы — словом, главное.

(5) А вечерами — шумная набережная, от затенённой диким виноградом веранды до музея Волошина. (6) Прогулки, разговоры, толкотня. (7) Занятные безделушки на парاپете и лотках. (8) Что-то рассмотришь, что-то купишь — себе или родным и друзьям в подарок.

(9) Всё славно. (10) И лишь пожилая женщина с букетами полыни тревожила меня. (11) Она была так ни к месту и своим видом — потёртое пальто, тёмный платок, старость — и своими жалкими, никому не нужными букетами. (12) Вечерами она, сгорбившись, одиноко сидела на скамейке на самом краю набережной. (13) Она была лишней на этом осеннем, но всё же празднике на берегу моря.

(14) В первый же день я, конечно, купил у неё букетик полыни, выслушав: «Повесите на стенку и так хорошо будет пахнуть!» (15) Купил, словно долг отдал. (16) Но от этого не стало легче! (17) Конечно же, не от хорошей жизни прибрела она сюда. (18) Сидит, потом медленно бредёт во тьме домой. (19) Старая мать моя обычно, ещё солнце не сядет, уже ложится в постель. (20) Говорит, что устала. (21) Ведь и в самом деле устала: такая долгая жизнь. (22) И такой долгий летний день — для старого человека.

(23) Старые люди... (24) Сколько их ныне с протянутой рукой!

(25) И эта одинокая пожилая женщина на набережной! (26) Просить милостыню, видно, не хочет. (27) Хотя подали бы ей много больше, чем выручит за свои жалкие сухие веточки. (28) Но просить не хочет. (29) Сидит...

(30) Прошёл день, другой, третий. (31) Ещё радовали солнечные дни, тёплое море, голубое небо, яркие клумбы оранжевых бархоток и пахучих петуний, зелень деревьев. (32) В Москве слякотно, холодно и даже снег прошёл, а здесь ласковое лето. (33) Днём — хорошо, вечером приятно погулять по набережной, постоять на причале возле рыбаков.

(34) И всякий же вечер была старая женщина, одиноко сидящая возле букетов сухой полыни.

(35)Но однажды, выйдя на набережную, увидел я, что возле старой женщины, на её скамейке, сидит пара: бородатый мужчина — на краешке скамьи, на отлете, мирно покуривает, а супруга его живо беседует со старушкой. (36)Сухой букетик — в руке, какие-то слова о пользе полыни и всяких других растений. (37)А разговоры «о пользе» весьма притягательны.

(38)Вот возле старой женщины, у её букетиков, заслышав что-то «о пользе», стали останавливаться. (39)День на исходе, забот никаких. (40)Самое время побеседовать «о пользе». (41)Беседуют и, гляжу, покупают. (42)Дело-то копеечное.

(43)Поглядел я, порадовался, побрёл потихоньку своей дорогой.

(44)А на душе как-то спокойно стало. (45)Ведь так тревожно было видеть её одиночество, словно заноза вонзалась в сердце.

(46)Следующим вечером — та же картина: женщины беседуют, бородатый мужчина спокойно покуривает рядом. (47)Слышу, старушку уже по имени-отчеству величают. (48)Значит, познакомились. (49)Это и вовсе хорошо.

(50) В один из последних вечеров видел я и старую женщину с сухими цветами, и её новых друзей. (51)Последние, видимо, уезжали. (52)Мужчина что-то записывал на бумажке. (53)Наверное, адрес.

(54)На следующий день — гроза, ливень, потом моросило. (55)Вышел я вечером — никого. (56)И старушки тоже, конечно, нет.

(57)Но тогда, в тот последний мой крымский вечер, и теперь, от Коктебеля вдали, я вспоминаю о старой женщине без горечи и печали. (58)Нашлись люди добрые, посидели возле неё, поговорили. (59)А что ещё нужно старому человеку? (60)Теперь она зимует и ждёт весны. (61)Как и все мы, грешные, ждём тепла, небесного ли, земного. (62)Любое — в помощь.

(по Б. П. Екимову*)

(1)Вечером опять сошлись у Старкиных. (2)Говорили только о войне. (3)Кто-то пустил слух, что призыв новобранцев в этом году будет раньше обыкновенного, к восемнадцатому августу, и что отсрочки студентам будут отменены. (4)Поэтому Бубенчиков и Козовалов были угнетены: если это верно, то им придётся отбывать воинскую повинность не через два года, а нынче.

(5)Воевать молодым людям не хотелось: Бубенчиков слишком любил свою молодую и, казалось ему, ценную и прекрасную жизнь, а Козовалов не любил, чтобы что бы то ни было вокруг него становилось слишком серьёзным.

(6)Козовалов говорил уныло:

— Я уеду в Африку. (7)Там не будет войны.

— (8)А я во Францию, — говорил Бубенчиков, — и перейду во французское подданство.

(9)Лиза досадливо вспыхнула. (10)Закричала:

— И вам не стыдно! (11)Вы должны защищать нас, а думаете сами, где спрятаться. (12)И вы думаете, что во Франции вас не заставят воевать?

(13)Из Орго призвали шестнадцать запасных. (14)Был призван и ухаживающий за Лизою эстонец, Пауль Сепп. (15)Когда Лиза узнала об этом, ей вдруг стало как-то неловко, почти стыдно того, что она посмеивалась над ним. (16)Ей вспомнились его ясные, детски чистые глаза. (17)Она вдруг ясно представила себе далёкое поле битвы — и он, большой, сильный, упадёт, сражённый вражескою пулею. (18)Бережная, жалостливая нежность к этому, уходящему, поднялась в её душе. (19)С боязливым удивлением она думала: «Он меня любит. (20)А я, что же я? (21)Прыгала, как обезьянка, и смеялась. (22)Он пойдёт сражаться. (23)Может быть, умрёт. (24)И, когда будет ему тяжело, кого он вспомнит, кому шепнёт: „Прощай, милая“? (25)Вспомнит русскую барышню, чужую, далёкую».

(26)Призванных провожали торжественно. (27)Собралась вся деревня. (28)Говорили речи. (29)Играл местный любительский оркестр. (30)И дачники почти все пришли. (31)Дачницы принарядились.

(32)Пауль шёл впереди и пел. (33)Глаза его блестели, лицо казалось солнечно-светлым, — он держал шляпу в руке, — и лёгкий ветерок развеивал его светлые кудри. (34)Его обычная мешковатость исчезла, и он казался очень красивым. (35)Так выходили некогда в поход викинги и ушкуйники. (36)Он пел. (37)Эстонцы с воодушевлением повторяли слова народной песни.

(38)Дошли до леса за деревнею. (39)Дачницы стали возвращаться. (40)Призываемые начали рассаживаться в экипажи. (41)Набегали тучки. (42)Небо хмурилось. (43)Серенькие вихри завивались и бежали по дороге, маня и дразня кого-то.

(44)Лиза остановила Сеппа:

— Послушайте, Пауль, подойдите ко мне на минутку.

(45)Пауль отошёл на боковую тропинку. (46)Он шёл рядом с Лизою. (47)Походка его была решительная и твёрдая, и глаза смело глядели вперёд. (48)Казалось, что в душе его ритмично бились торжественные звуки воинственной музыки. (49)Лиза смотрела на него влюблёнными глазами. (50)Он сказал:

— Ничего не бойтесь, Лиза. (51)Пока мы живы, мы немцев далеко не пустим. (52)А кто войдёт в Россию, тот не обрадуется нашему приёму. (53)Чем больше их войдёт, тем меньше их вернётся в Германию.

(54)Вдруг Лиза очень покраснела и сказала:

— Пауль, в эти дни я вас полюбила. (55)Я поеду за вами. (56)Меня возьмут в сёстры милосердия. (57)При первой возможности мы повенчаемся.

(58)Пауль вспыхнул. (59)Он наклонился, поцеловал Лизину руку и повторял:

— Милая, милая!

(60)И когда он опять посмотрел в её лицо, его ясные глаза были влажны.

(61)Анна Сергеевна шла на несколько шагов сзади и роптала:

— Какие нежности! (62)Он Бог знает что о себе вообразит. (63)Можете представить: целует руку, точно рыцарь своей даме!

(64)Бубенчиков передразнивал походку Пауля Сеппа. (65)Анна Сергеевна нашла, что очень похоже и очень смешно, и засмеялась. (66)Козовалов сардонически улыбался.

(67)Лиза обернулась к матери и крикнула:

— Мама, поди сюда! (68)Она и Пауль Сепп остановились у края дороги. (69)У обоих были счастливые, сияющие лица.

(70)Вместе с Анною Сергеевною подошли Козовалов и Бубенчиков. (71)Козовалов сказал на ухо Анне Сергеевне:

— А нашему эстонцу очень к лицу воинственное воодушевление. (72)Смотрите, какой красавец, точно рыцарь Парсифаль.

(73)Анна Сергеевна с досадою проворчала:

— Ну уж красавец! (74)Ну что, Лизонька? — спросила она у дочери.

(75)Лиза сказала, радостно улыбаясь:

— Вот мой жених, мамочка.

(76)Анна Сергеевна в ужасе воскликнула:

— Лиза, что ты говоришь!

(77)Лиза проговорила с гордостью:

— Он защитник Отечества.

(По Ф. Сологубу)*

(1)На меня самое сильное впечатление производят сны, в которых поднимается далёкое детство и в неясном тумане встают уже не существующие лица, тем более дорогие, как всё безвозвратно утраченное. (2)Я долго не могу проснуться от такого сна и долго вижу

живыми тех, кто давно уже в могиле. (3)И какие всё милые, дорогие лица! (4)Кажется, чего бы не дал, чтобы хоть издали взглянуть на них, услышать знакомый голос, пожать их руки и ещё раз вернуться к далёкому-далёкому прошлому. (5)Мне начинает казаться, что эти молчаливые тени чего-то требуют от меня. (6)Ведь я стольким обязан этим бесконечно дорогим для меня людям...

(7)Но в радужной перспективе детских воспоминаний живыми являются не одни люди, а и те неодушевлённые предметы, которые так или иначе были связаны с маленькой жизнью начинающего маленького человека. (8)И сейчас я думаю о них, снова переживая впечатления и ощущения детства. (9)В этих немых участниках детской жизни на первом плане всегда, конечно, стоит детская книжка с картинками... (10)И это была та живая нить, которая выводила из детской комнаты и соединяла с остальным миром. (11)Для меня до сих пор каждая детская книжка является чем-то живым, поскольку она пробуждает детскую душу, направляет детские мысли по определённому руслу и заставляет биться детское сердце вместе с миллионами других детских сердец. (12)Детская книга - весенний солнечный луч, который заставляет пробуждаться дремлющие силы детской души и вызывает рост брошенных на эту благодарную почву семян. (13)Дети, благодаря этой книжке, сливаются в одну громадную духовную семью, которая не знает этнографических и географических границ.

(14)Здесь мне придётся сделать небольшое отступление именно по поводу современных детей, у которых приходится сплошь и рядом наблюдать полное неуважение к книге. (15)Растрёпанные переплёты, следы грязных пальцев, загнутые углы листов, всевозможные каракули на полях - одним словом, в результате получается книга-калека.

(16)Трудно понять причины всего этого, и можно допустить только одно объяснение: нынче выходит слишком много книг, они значительно дешевле и как будто потеряли настоящую цену среди других предметов домашнего обихода. (17)У нашего поколения, которое помнит дорогую книгу, сохранилось особенное уважение к ней как к предмету высшего духовного порядка, несущего в себе яркую печать таланта и святого труда.

(По Д. Мамину-Сибиряку)